

«Ну, ты аромат месяца». - легко сказал Холлин, возвращаясь в медотсек Патриота, где он зашил руку Люка и обработал рану герметиком.

Люк взглянул на дверь: «Почему?»

«Я слышал о новом имени Разрушителя - оно уже во всем Флоте. Очевидно, любое старое имя больше не подходит для Наследника - и Палпатин сам приходил проверить тебя раньше. Кто-то сказал ему, что тебя не будет. вскоре и предложил привезти его сюда, но, похоже, он не собирался ждать ».

Люк снова посмотрел на дверь, но он знал, что его Учитель давно ушел, поэтому снова дышал легко. В меньшей степени относится к новому имени или его контексту, учитывая двойное значение; что он тоже был переименован сегодня. Ему должно быть приятно, что он пользуется доверием Императора ... почему же тогда он чувствовал себя так тревожно? Он изучил эту мысль; впервые почувствовал дискомфорт, осознавая, насколько легко было рационализировать свои действия в поддержку своей цели. Как легко их проверить. Как легко убить.

«Не хочешь рассказать нам, бедняжки, что случилось потом?» - мысленно сказал Холлин, переложивая инструменты в стерильную миску. Люк оглядел медиа-отсек, возвращаясь мыслями к настоящему моменту; он не видел наблюдения, но это был новый корабль, и он не был склонен ему доверять. «Произошло кратковременное беспокойство, с этим покончено». Больше он сказать не мог; не здесь.

«Ах. Очень поучительно, спасибо». - невозмутимо воскликнул Холлин, возвращаясь к своему подопечному.

Около часа назад с ним связались на борту Peerless и сообщили, что Люк был ранен, и после краткой, задыхающейся паники выяснилось, что это была легкая травма, Люк сам связался с Халлином из медицинского центра на борту Инвин - сказать своему медику, чтобы он не беспокоил; это была не более чем царапина, за которой ухаживал дроид. Тем не менее, профессиональная гордость и тот факт, что Холлин уже был в транспорте, побудили его настоять на своем, поэтому Люк просто обернул марлю рану, пока Натан не пришел, чтобы зашить ее, утверждая, что он, конечно, справится гораздо лучше. и, в любом случае, добавил, что ему очень нравилось видеть, как Наследник время от времени вздрагивает.

«Ну, я думаю, мы можем с уверенностью сказать, что теперь ты свободен. Швы снимут через четыре или пять дней; ты знаешь расписание».

Люк вышел из медицинской каталки, на которой сидел, затем огляделся, приложив руку к мизинцу: «Где мое кольцо?»

Холлин поднял глаза: "Что?"

«Мое кольцо, кольцо, которое я всегда ношу на мизинце - они попросили меня снять его, когда я вошел сюда - я положил его туда».

Он указал на поверхность рядом с собой, все еще оглядываясь.

«Там была хирургическая тарелка».

Подлинная тревога в голосе Люка заставила Халлина нахмуриться: «Когда я вошел, там ничего не было... по крайней мере, я не думаю...», он развернулся и вошел в большую комнату для

триага, Люк быстро последовал за ним. Увидев на прозрачном подносе сбоку две маленькие металлические тарелки, все еще содержащие окровавленные мазки, Люк быстро обошел Халлина и поднял меньшую.

«Это было в этом - дроид попросил меня снять его, чтобы промыть рану, и я положил его сюда - я не видел, чтобы кто-то вынимал это».

В его голосе теперь звучала не что иное, как паника, и Халлин в замешательстве оглядел поверхности: «Должно быть, один из медиадроидов вытащил поднос - должно быть, он снял кольцо».

«И что с ним сделал? И подносы все еще здесь... как и мазки. Зачем дроиду...» Люк замолчал, его лицо - вся его манера поведения - изменилась.

«Палпатин».

"Что?"

«Палпатин был здесь».

«Я уверен, что он не стал бы...»

Халлин замолчал, когда Люк повернулся к нему дикими глазами.

«Он был во внешней комнате - он бы это увидел. Ему нужна была всего секунда».

Холлин нахмурился, нервничая из-за того, что Люк напрягает что-то столь незначительное.

"Было ли это важно?"

«Это был мой...»

Люк откусил свой ответ, вспомнив, где он был. Не то чтобы это имело значение; ему все равно придется пойти и попросить кольцо обратно - и Палпатин ясно знал, что это было, хотя Люк понятия не имел, как. Знал ли он мать Люка... мог ли он узнать ее? Заметил ли он это, когда изучал руку Люка на Мосту? Нет - переименование корабля было настоящим актом, Люк был в этом уверен. Возникла еще одна мысль, замораживающая грудь Люка от ее последствий - не разрушил ли он теперь доверие, которое, наконец, так недолго удерживало? Потому что он знал - каждой фиброй своего существа Люк знал, что у Палпатина есть кольцо. Он подошел к настенной связи и связался с Мостом, кипя мыслями.

"Джосс, Император все еще на борту?"

«Нет, сэр; он и его охрана вернулись во дворец некоторое время назад».

Холлин смотрел, как Люк стоит перед комлинком, положив руку на передатчик, размышляя, наконец вздохнув, бесконечно покачивая головой, напрягая челюсти и смиряясь с закрытыми глазами. Что происходило - что такого важного в кольце? Люк вздохнул, проклиная собственную невнимательность, потер пальцами переносицу, усталый и разочарованный. Он никогда не снимал кольцо - никогда. Почему он сделал это сегодня - почему он оставил это на виду? Обычно он просто переложил бы кольцо в другую руку, чтобы сохранить его.

На него было не похоже быть таким расслабленным. Но тогда он был встревожен, обеспокоен похвалой Императора - неудобно с ней. Когда он был в лечебнице, он думал о молитве.

Иногда... он снова вздохнул, разочарованный; иногда он задавался вопросом, не саботировал ли он собственные усилия просто в качестве рефлекса. Это была такая очевидная оплошность - он никогда раньше не спускал кольцо с глаз, так почему теперь? Шаг вперед, два шага назад; Как раз когда он завоевал доверие Императора, что-то случилось. Такая закономерность была настолько распространена, что он начал подозревать, что может играть в эту игру так долго, пока не стало слишком неудобно выдерживать ее, и он, казалось, почти подорвал свое собственное продвижение.

Иногда это было сознательное решение лишить его благосклонности Императора, побочный продукт решения, сделанного выбором по логическим причинам - по крайней мере, по его мнению. Но так же часто он спотыкался или упирался пятками... или, что еще хуже, он спотыкался, а затем упирался пятками точно так же, как он собирался сделать сейчас. Что ему нужно сделать, так это ждать; дайте Палпатину время, чтобы успокоиться, чтобы рассмотреть кольцо в более широком контексте событий дня. Фактически, он должен был отпустить кольцо. Вот что он должен сделать. Он вздохнул, зная, что Халлин нахмурился, когда сказал в коммуникатор: «Джосс, дай мне шаттл».

"Что делаешь?" - спросил Натан, зная, что в его голосе слышна тревога. «Собираюсь найти Палпатина». - спокойно сказал Люк, не оборачиваясь.

«Ты ведь не собираешься его спрашивать?»

Халлин знал, что это было бы равносильно обвинению Императора в воровстве, хотя даже это казалось бледным, непропорциональная реакция Люка намекала на то, что на карту поставлено нечто большее.

"Да."

Люк сказал напряженным голосом, на который наложился вид хрупкого спокойствия: «Это единственное, что мне действительно принадлежит, единственное, что принадлежит мне».

Единственное, что у него было, принадлежало его матери - единственная связь с незапятнанным прошлым, хотя он не мог сказать это вслух. Это также было единственное, что могло связать его с отцом - и что ему действительно нужно было разобраться с этим сейчас, прежде чем это стало проблемой. Исправьте его ошибку и умиротворите гнев своего Учителя, прежде чем Палпатин слишком долго останавливался на нем - прежде чем он слишком серьезно подумал о его последствиях.

Люк невозмутимо пожал плечами; что кто-то принимает свою судьбу: «Он все равно заставит меня заплатить - он не собирается позволить чему-то подобному.

Я могу с тем же успехом покончить с этим».

Он взглянул вверх, и, несмотря на его тон, когда он посмотрел на Холлина, в его глазах загорелся огонь; грубая решимость -

«И я хочу вернуть это кольцо». . .

Удивительно, но Люка сразу же впустили в резиденцию Императора, повели через огромный, гулкий и величественный главный коридор под трехэтажную двойную лестницу, которая охватывала изгибы стен из черного дерева и базальта. Вдоль пешеходных дорожек с колоннами стояли ряды Королевской гвардии, обратив внимание на яркую алую вспышку в глубоких тенях. Здесь всегда было холодно, высокие берега граненого оргстекла с медными полосами

всегда опускались до почти темноты, бесконечные полосы затемненных отражений становились тусклыми до плотной непрозрачности.

Шаги, эхом отражающиеся в утомительной тишине, сопровождали Люка в зал для аудиенций необычно напряженный Амедда, который остановился у двери, слегка поклонившись и не встречая взгляда Люка. Люк пошел вперед, глубоко вздохнув, готовый ко всему ... Комната была высокой и мрачной, с тонкой, замысловатой стеклянной мозаикой на стенах и потолке сложной конструкции и тяжелых, темных цветов, из-за чего она казалась клаустро-фобной, несмотря на ее размер. У дальней стены было единственное высокое окно с окаймленной латунью вставкой, его приглушенное свечение едва пропускало сквозь него тусклый сумрак. Император стоял перед ним, задумчивая фигура, повернувшаяся спиной к комнате, в тяжелых одеждах, поглощавших то небольшое, что касалось их. Собрав самообладание, зная, что колебания или опасения - это не вариант для его Учителя, Люк двинулся вперед, остановившись перед ним и автоматически ступив в поклоне, опершись одним коленом на пол. Палпатин не повернулся; долго не двигался.

"Откуда это у вас?" - спросил он наконец убийственно спокойным голосом, все еще не поворачиваясь. Тогда никаких уловок; никаких словесных игр или тонких манипуляций; он был далеко позади этого. Люк опустил глаза, больше, чем когда-либо, боялся - не Императора; он слишком много раз стоял перед гневом своего Учителя. Если бы он напал на Люка, это было бы нелегко, было бы жестоко, мстительно и безжалостно... но он выжил - он всегда так делал. Нет... единственная мысль, которая кричала в его голове сейчас, заключалась в том, что он потеряет кольцо, его единственное звено с матерью.

Он кратко подумал, как он скажет своему отцу, который так долго хранил кольцо в безопасности, остро осознавая, что, если он солгал сейчас, он рискнул бы; если Палпатин осознает, то он, несомненно, уничтожит его - а затем включит Люка. Но если бы он сказал правду, он бы вовлек своего отца - раскрыл связь, которая осудила бы их обоих - и Люк все равно потерял бы кольцо. Почему он так рисковал ради кольца? это было всего лишь кольцо ... Просто вставай и уходи - оставь это и уходи. Это то, что он хочет от вас; просто скажи, что это ничего не стоит, не более того. Оставь это - извинись, и ты уйдешь реабилитированным. Отпусти ситуацию. Он не мог слишком далеко уходить от истины; у кольца не было другого возможного объяснения. Но в детали можно было внести поправки.

«Я спросил Вейдера, кто моя мать. На следующий день кольцо было доставлено в мою комнату». Он был совершен сейчас; он солгал своему Учителю. Он так много раз делал раньше, но не так; Палпатин превратился в холодную ярость, так много на волоске ... Сосредоточенность; сконцентрируйся! Не поскользнься сейчас. Император долгие секунды оставался неподвижным, хрупкая тишина наполняла воздух, как воздух перед бурей. Его голова слегка наклонилась, хотя он и не повернулся, как будто простой взгляд на мальчика мог переломить его гнев.

"Что он сказал тебе?"

Он поверил? Или он просто дал Люку шанс еще больше осудить себя, смешивая ложь с ложью. Должен ли он продолжать или остановиться сейчас, пока он может отступить? По правде говоря, слишком поздно; уже слишком поздно, но ему пришлось свести к минимуму участие отца в этом. Он не мог отрицать или скрывать это; связь между его отцом и кольцом была категоричной... но он мог ее минимизировать; замаскировать одну истину за другой. Дайте Палпатину что-нибудь, на что можно ругать, и тем самым рассеять бурю.

«Ничего. За исключением того, что она мертва; чтобы я не беспокоился о давно ушедших

вещах».

Его сердце колотилось, но Люк смотрел вниз, держал себя в центре, ум гудел. Палпатин, наконец, повернулся, его лицо было тончайшим слоем спокойствия. «Тогда почему ты носишь кольцо?»

Люк поднял глаза, заставил себя встретиться с этим враждебным взглядом, не в силах удержать защитный бросок от ожесточения собственных глаз: «Потому что она была моей матерью».

Палпатин снова замолчал, и Люк снова испугался, что ему дали достаточно веревки, чтобы повеситься. Он не смог связаться со своим отцом по пути сюда и сожалел об этом сейчас, увидев выражение глаз своего Учителя. Если Палпатин набросится - если Люка затащат в камеры под Дворцом - Вейдер столкнется с гневом своего Учителя неподготовленным.

Наконец Палпатин склонил голову набок, недоверчиво голосом: «И все же, когда твой отец ничего тебе не сказал, ты просто принял это?»

«Нет», - Люк отвел взгляд, оставляя на лице след разочарования, на мгновение стиснув челюсти, «Я не принял этого. Мы спорили. Он сказал мне, что это не моя забота». Пересказ одних и тех же фактов, тщательно переставленный; тонкая грань между кажущимся нежеланием подробно описывать, что было верным признаком лжи, и, зная, что это именно так, и нежеланием предоставить больше, чем было абсолютно необходимо; усложнения будет трудно отследить. Он играл в эту игру слишком много раз, хотя и не часто с такими ставками. «Решение принимать не он, не должно быть». - добавил Люк, желая казаться все еще разгневанным скрытностью отца, чтобы подчеркнуть их непрекращающуюся вражду.

«Какие бы права он ни считал своими, он давно отказался от них».

. Палпатин долго смотрел на своего заблудшего джедая, все еще преклонив колени перед ним. Настолько долго, что взгляд мальчика, наконец, дрогнул, и он посмотрел в землю, зная, что виноват именно он. И он был виноват; он принадлежал Палпатину, и только Палпатину. Конкурентов не было - он это знал. «Каждый раз, когда у меня появляется причина доверять тебе... ты заставляешь меня сомневаться». По крайней мере, мальчик имел благодать опустить голову и промолчать. Действительно ли он раскисался или это был просто маскарад; он слишком хорошо выучил эти игры? Палпатин погрузился в угрюмое молчание, изучая мальчика, понимая, что так много скрыто. Как могло быть так, что он всегда оставался чистым листом перед ищущими чувствами своего Учителя?

«Встань и посмотри на меня».

Теперь он действительно почувствовал короткий резкий сдвиг нервов, когда мальчик стоял, адреналин горел в его груди. Почувствовал решимость, которую он призвал, чтобы поднять голову и посмотреть своему Учителю в глаза. Наблюдал, как его грудь поднимается от коротких вдохов, отмечал его осознание этого, когда он заставлял спокойное, ровное дыхание. Хотя ничего по-настоящему показательного, кроме того, что он нервничал, но он был прав в этом.

Палпатин сделал три быстрых шага к своему джедаю и пристально посмотрел на него осуждающим взглядом: «Ты мне лжешь?»

Мальчик сдержал взгляд и не моргнул.

«Нет хозяина».

Он бесхитростно пробормотал, едва покачав головой. Скрыть правду в правде; вот что сделал Палпатин - научился ли он у ног Мастера? Император выдержал этот печальный взгляд, охристые глаза сузились от пристального взгляда, и взгляд мальчика встретился с его взглядом, ни воинственным, ни уступчивым. Они оставались неподвижными в течение долгих мгновений, Палпатин протягивал Силу, используя весь свой проницательный опыт, мальчик оставался неподвижным, окутанный вынужденным спокойствием - все, что он скрывал, слишком завуалировано, чтобы ощутить. Наконец Палпатин разочарованно отвернулся, темные складки его тяжелой мантии сделали его тенью в падающих сумерках, и он долго размышлял ...

Когда он повернулся обратно, на ладони его бледной изможденной руки было кольцо, все еще заляпанное сухой кровью. Он видел, как взгляд мальчика обратился к кольцу, и знал, как много это значит; что это не связано с его осознанием того, что он ошибся в владении кольцом, это даже не связано с защитой некоторых предполагаемых обязательств перед отцом. Он был здесь, потому что хотел вернуть кольцо. Зачем понадобилось кольцо - кому оно принадлежало? Из-за какой-то воображаемой связи с женщиной, которую он никогда не знал, единственная связь которой заключалась в том, чтобы поддерживать его?

При этой мысли Императора охватила волна негодования; что мальчик будет ценить ее не более чем по биологической необходимости. То, что приверженность, за которую Палпатин боролся долгие годы, преданность, которую он заслужил, свободно передавалась другому, основываясь на не более чем генетическом совпадении, оставляя его в позорном положении, когда ему приходилось защищать свое положение как единственное внимание мальчика со стороны женщины. которая уже была мертва, даже ее воспоминания были неприемлемым разделением внимания мальчика.

Малейшая горькая, едкая улыбка вскружила уголки тонких губ Палпатина, его выражение стало жестким, когда он двинулся вперед, чувство пылало мрачным намерением - если мальчик так сильно хотел, чтобы он звонил, то он мог бы это получить; но по цене. Он преподал бы урок еще раз, что знание - это сила, а то, как им пользоваться, - все. Звук - , что звук - смятый раздавить тяжелую ткань над твердым полом , как Палпатин начал вперед, по-прежнему имел право прорубить Луки, взяв его немедленно обратно в камеру ниже дворца, суровый, боронование, мучительные растереть боли и провокация вызывалась каждый раз, когда его безжалостный мучитель входил в камеру под царапающий шепот натянутой ткани. Контроль и принуждение охватили воспоминания, слишком сильные, чтобы от них отступить, даже сейчас - как он был уверен, Мастер ситхов намеревался.

Злобные слова Палпатина были укушены резкой злобой, когда он подошел ближе с искривленным лицом: «Твоя мать была предателем. Находясь в Сенате, она распространяла ложь и инакомыслие, подрывая его авторитет и пытаясь расширить трещины в неудачах Республика. Она пришла к власти на основе своего противостояния сепаратистам, но по мере роста ее власти она ставила под сомнение действия Сената против них - она поддерживала тех, кто воевал против Старой Республики, которую вы так уважаете. Она сознательно и непосредственно несла ответственность за смещение последнего истинного верховного канцлера Сената, Финиса Валорума. Она спровоцировала вотум недоверия; ее действия обрушили его - ваш отец сказал вам это ? При этом мальчик приподнял подбородок, в его глазах загорелся огонь, и, хотя он не говорил, Палпатин знал, что он нанес удар. "

Она возглавила делегацию двух тысяч человек, акт, который фактически разделил Сенат на две части; поляризовал и ослабил его без возможности восстановления. Предала, подорвала и

расколола Республику, которой, как она утверждала, служила ... и ваш отец прощал ее. Неоднократно смотрел в другую сторону потому что он был слаб . Но он заплатил за свой жалкий недостаток; ему был преподан самый суровый урок ».

Спокойный фасад мальчика теперь начал трескаться, и он отступил на шаг перед натиском, не желая слушать, но не имея возможности уйти, пока его Учитель все еще держал кольцо - и Палпатин продолжил, сжимая губы в злобной усмешке, когда он шагнул вперед, удерживая кольцо перед ним. «Потому что она предала и твоего отца - это твоя мать привела Оби-Вана к твоему отцу, зная, что джедаи хотят убить его, каким бы молодым он ни был. Я отправил его в безопасное место подальше от Корусанта - это была твоя мать. Которая отвезла убийцу твоего отца на Мустафар. А потом она ушла с Оби-Ваном, оставив его там умирать одного ».

«... Нет!...»

Люк отшатнулся, отвернувшись в отрицании, выдохнув, как если бы ему нанесли физический удар, приложив руку к стене для поддержки, но Палпатин не утешил его, подойдя ближе, взявшись за руки. его рука, чтобы крутить его - " Я говорю правду?"

Палпатин настаивал: « Я говорю правду ?!»

" ДА!"

Люк вырвался, ахнув, разочарование прервало его голос: «... да...»

Палпатин отпустил его, увидев, что его плечи опущены, голова опущена - и он улыбнулся, победа капала из его слов, когда он сказал: «Ты все еще хочешь кольцо?»

Мальчишка молчал долгие секунды... затем он поднял голову, его глаза были сильно синими, но неповторимыми и решительными, как всегда.

«.. Да."

Он протянул перед собой нетвердую руку. С отвращением Палпатин отвернулся и швырнул кольцо в тень. Люк повернулся, все еще держа руку перед собой, и кольцо, изогнувшись, задрожало по темным стеклянным плиткам и подпрыгнуло к его ладони. Он остановился, глядя на него сверху вниз, когда он сжал вокруг него пальцы ... затем он повернулся и молча ушел. Палпатин стоял один, тень в тени темной комнаты, все еще отвернувшись от двери... все еще улыбаясь своей победе.

Рис перечитал заключительный брифинг для официального приема в честь запуска «Патриота», хмурясь по поводу неожиданных изменений, прежде чем взглянуть на Наследника.

«Ваши распоряжения на этот вечер немного изменились, сэр. Ваша отметка, Кирия Д'Арка - очевидно, вы будете вести с ней первый танец сегодня вечером».

Люк оторвался от задумчивости, явно не слыша. Он провел день, изо всех сил стараясь избегать всех, но разочаровываясь, не смог связаться с одним человеком, с которым отчаянно хотел поговорить; его отец. И сегодня он не сможет с ним поговорить; «Палач» уже покинул орбиту по приказу Императора, преследуя тех, кто начал атаку, и оставался недоступным на световой скорости. В конце концов он стал прятаться в маленьком кабинете за своим офисом, где Рис нашел его, разыскивая охранников в штатском, которые всегда торчали снаружи, в какую бы комнату он ни уходил. Теперь он стоял, рассеянно глядя на закат за

противоположной башней массивного внушительного дворца, и вертел кольцо в руке; прокручивая слова Палпатина в своей голове. Это была третья попытка Риса восстановить некоторую нормальность дня и заставить Люка одеваться для официального приема сегодня вечером, хотя Люк оставался равнодушным, полуобернувшись назад, когда Рис продолжал, повторяя свои слова.

«Твоя отметка, Кирия Д'Арка - ты будешь вести с ней первый танец».

Люк поджал губы: «Я так не думаю.

На самом деле, после сегодняшнего фиаско, я серьезно подумываю о том, чтобы вообще не присутствовать, а не дать Палпатину возможность публично выстрелить в меня».

Он бегло просмотрел факты своей встречи с Палпатином в тот день, не сообщая Рису и Холлину никаких подробностей, и это только потому, что Холлин уже знал о кольце, даже если он не знал его значения. И потому, что, конечно, нужно будет рассмотреть вопрос о контроле за радиоактивными осадками и повреждениями. Рис сделал паузу на несколько секунд, и Люк знал, что он не торопится, чтобы привести свой аргумент прямо в голову, прежде чем приступить к его доводам, вероятно, многочисленным и, может быть, даже пронумерованным, что он имел привычку делать, если учитывать пункты. достаточно актуально. Он не был разочарован.

«Во-первых, приглашение, данное Императором, - это приказ, а не просьба; вы это знаете».

Голос Риса был воплощением сдержанного спокойствия: «Во-вторых, ваш отец потратил несколько месяцев на установление контактов с Флотом Кольца, чтобы вы могли поговорить с ним сегодня вечером. Вы не можете не присутствовать; это единственный шанс, что вам придется установить контакт. со многими из них до конца года; это беспрецедентная возможность ».

«И вы действительно думаете, что единственная возможность, которая у меня есть для встречи с ними, должна быть тогда, когда есть хороший шанс, что Палпатин начнет какуюто публичную репрессию?»

«Да, сэр, я верю. И если он... тогда хорошо, это только подтверждает вашу позицию. Что касается всех присутствующих, то сегодня вы спасли жизнь Императору. Он выступил с публичной речью на этот счет, изменив имя . Super Star Destroyer в знак признания того факта Он вряд ли будет противостоять все , что, сделав некоторую открытую критику сегодня над чем - то незначительным , как кольцом, сэр, там нет никакого общественного диссонанса между императором и наследником, вы знаете , что и. если бы он это сделал, то капризным считали бы императора, а не вас ». Наследник откинулся назад, согнув челюсти, глядя на город с долгим, сомнительным вздохом, но, по крайней мере, он был готов выслушать Веза.

Он продолжил, надеясь показать небольшую перспективу; взгляд на большую картину, которую Наследник, казалось, не мог отойти и увидеть сегодня. «Я также посоветовал бы вам рассмотреть протокол Дворца; его плохой тон - отказываться явиться на прием в знак признания запуска суперзвездного разрушителя, которым вы только что дали команду».

«Протокол».

Люк сделал это слово проклятием, но Вез продолжил.

"Люди, которые смотрят, являются главными силами как Core, так и Rim Systems - именно они

вам нужно произвести впечатление. И они хотят произвести впечатление; они готовы слушать вас, потому что они готовы к изменениям ... Настоящие перемены . Не просто замена Императору - они ищут альтернативу.. Палпатин был лидером своего времени; он создал Империю из хаоса Войн клонов, но это время прошло - Империя готова двигаться дальше, и они это знают. Они ищут кого-то, кто может быть дипломатом, собранным, практичным и рассудительным. Палпатин был стаб Д'Арки верны Императору, - безоговорочно заявил Люк, хотя Вез еще не был готов уступить.

«Вы вполне можете обнаружить, что Д'Арка на самом деле лояльны Империи , как и я».

«Я думаю, что более вероятно, что они просто верны своим целям». - сказал Люк, вспоминая свои предыдущие встречи с Беладом Д'Арка.

«Это не значит, что они не ценны».

Вез утверждал: «Это старый Дом, и они предлагают связи с прошлым, и вы должны показать, что уважаете это. Что, когда вы придете к власти, эти традиции и условности будут признаны и поддержаны; больше не будет потрясений. , стабильность будет поддерживаться. Вам нужно начать действовать как государственный деятель, которым вы должны быть ».

«Это ужасно много, чтобы втиснуться в один танец». - сказал Люк с сухим юмором и, наконец, немного пришел в себя.

"Может быть, мы могли бы просто раздать карты?"

Рис слегка приподнял брови в сардоническом ответе, следуя за Люком, выходящим из своего кабинета в высокий коридор за ним, понимая по его тону, что Наследник готов уступить в этой битве, даже если он не был готов признать это вслух. Это была одна из причин, по которой Вез дезертировал; в отличие от Палпатина, Наследник был готов слушать разум. Фактически, Рис искренне верил, что он является всем тем, что он только что назвал требованиями для следующего лидера Империи, и он поставил перед собой задачу заставить других это понять.

Он снова обратил свое внимание на Наследника, когда Люк издевательски-примирительным тоном предложил: «Мы могли бы нанести золотые грани на карты, если это заставит вас почувствовать себя лучше».

«Золотые края для приглашений, сэр».

Вез сказал с притворной серьезностью, отвечая на насмешку своего подопечного по поводу того, что он знаком с такого рода условностями: «Заявления о намерениях всегда отправляются на плетеной белой основе с серой окантовкой». . . .

Государственный балльный зал был огромен, и его парадный вход, Зеркальная галерея, занимали целый этаж Восточной башни. Сотни шаров из горного хрусталя, возвышаясь над пятиэтажным зданием, над его замысловатыми полированными полами, освещали тростниковый и кессонный потолок, их граненые поверхности отражали преломленный свет над позолоченными деталями. Высокие окна с гранеными стеклами располагались по длине одной стены, давая смутный зеркальный вид на другие башни, фотоэлектрические стекла затемнялись на фоне низко лежащего солнца раннего вечера, слабый янтарный свет придавал древесине богатый вид. резной рельеф на сотнях отдельных панелей, покрывающих остальные стены, мягко светится, каждая панель вырезана из самых ценных твердых пород дерева конкретной планеты,

Роскошный декор и меблировка были нарочито показными, комната представляла собой монументальное и экстравагантное выражение имперской власти и богатства.

Государственный бальный зал - зеркальное отражение его сестры, бального зала Доминиона в Северной башне, но почти в три раза больше его размера - был выбран с большой осторожностью; В дворцовых башнях было двадцать семь различных общественных банкетных залов, не считая отдельных квартир, каждый из которых был тщательно спроектирован так, чтобы отражать различные грани влияния Империи. Этот зал с его исключительным мастерством и неисчислимым богатством, украшавшим его искусством нового и древнего со всей Империи, был впечатляющим выражением уверенности и преемственности, солидарности и вечности.

Это было впечатляющим свидетельством несравненного богатства Империи - и готовности Палпатина без колебаний тратить их. . Мара вошла тихо, избегая церемониймейстера, объявляя о тех, кто вошел в высокие двойные двери, и быстро спустилась по широкому пространству резных ступеней, шлейф ее темного шоколадно-коричневого платья сплелся за ее спиной, когда она направилась вперед, чтобы потеряться в толпа, оглядывающаяся вокруг множества людей, ищущая только одного. Она ожидала, что сегодня вечером будет дежурить в качестве телохранителя Люка, как она часто делала на таких мероприятиях, но Палпатин приказал, чтобы Рис, а не она, присутствовала без дальнейших объяснений.

Сначала она чувствовала себя оскорбленной, неуверенной в том, что происходит, но уверенной, что что-то было. Тогда она восприняла это как вызов, будучи уверенной в своей способности получить доступ - это не было так, как если бы ей было приказано не присутствовать. Итак, она нашла время, чтобы сделать усилие сегодня вечером; она так часто делала это на заданиях; поворачивала головы своей небрежной грацией - иногда лучшее место, чтобы спрятаться, было на виду. Платье, которое она носила, было богатым, матовым шоколадным виноградным шелком, вырезанным по диагонали так, чтобы оно касалось каждого контура, низко очерченное спереди в плавном комке ткани, что всегда намекало, что оно может просто выпасть, даже не будучи таким грубым .

Ее украшения состояли из тяжелого янтаря и цитрина в розовом золоте, а изящный резной головной убор украшен такими же камнями, которые убрали ее волосы назад с лица и свободно ниспадали по спине, насыщенный красный цвет на фоне темного шоколада. Тяжелые камни в ее сережках мягко постучали по ее шее, когда она огляделась, цитрины отражали теплые отблески на безупречной фарфоровой коже, ее нежный румянец был такого цвета, который должен был вызвать вспышку лесных зеленых глаз.

Она все еще поворачивала головы, когда шла сквозь толпу. Люк ненавязчиво стоял в стороне от огромного холла, сразу же обернувшись, когда почувствовал ее присутствие, наблюдая, как она быстро спускается по ступеням, внимательно осматривая комнату. Его первой мыслью было то, что она выглядела красивой; она всегда так считала его - всегда так было - но сегодня вечером она была ошеломляющей; изысканный. Вторым его соображением, когда она исчезла в толпе, было удивление, что она вообще здесь; он позволил ей незаметно исключить ее присутствие, воспользовавшись удобной возможностью, чтобы скрыть свои намерения за манипуляциями Палпатина сегодня вечером, приняв без жалоб Императора, сознательно назвавшего Риса своим телохранителем, чтобы у Мары не было оправдания своему пребыванию здесь - и подумала. она поняла намек. .

Автопамять, за исключением Мары, была доставлена из личного кабинета Палпатина три дня назад и была доведена до сведения Люка Везом Рисом, что вызвало у Люка лишь легчайшее любопытство, когда он передавал ее.

«У вас есть отметка на приеме после запуска« Инвинсибла », сэр».

Люк взял предложенную автопамять с неопределенным вниманием и взглянул на экран: «За?» Император нередко делал это, используя государственные функции, чтобы приблизить своего джедая к кому-то, от кого он нуждался в информации в той или иной форме. Люк мог легче держаться подальше от внимания и быть менее устрашающим, чем его Учитель, Люк часто мог более тонко выполнять намерения Палпатина, поэтому тайное задание было обычным делом.

Тем не менее, Люк нахмурился при виде своей метки: «Это... Д'Арка?»

«Кирия Д'Арка; старшая дочь Беладона и наследница семьи Д'Арка. Ее отец будет церемониймейстером на запуске« Инвинсибл ».

"Что он от меня хочет?"

Рис приподнял брови;

«Поговори с ней».

"За?"

«Это все, что указано в кратком изложении». - сказал Рис.

«Император требует, чтобы вы...

'Установили контакт и установили диалог'».

«Наладить диалог - теперь что он задумал?»

Люк пробормотал, как никогда настороженно: «Почему я чувствую, что меня поставили на сцену?»

"Потому что вы есть."

Рис сухо сказал: «Хотя могут быть и другие причины, помимо очевидных; и даже если это так, они не такая уж плохая идея - Д'Арка - могущественная семья, которая имеет власть как среди военных, так и среди королевских домов. Вы могли бы сделать хуже, чем немного ухаживать за ними, с благословения Императора или без него ».

«И кого вы будете« ухаживать », чтобы продвигать дело?» - многозначительно спросил Люк.

«Это не моя сильная сторона, сэр». - спокойно сказал Рис, чем вызвал короткий смех у Люка.

«Поверьте, это не мое, и не говорите, что это хорошая возможность научиться». Вез на мгновение задержал взгляд, затем отвернулся.

«Это как минимум что-то нам купило; мне приказали быть твоим телохранителем, а это значит, что Мара Джейд не будет присутствовать».

Что было действительно полезно, учитывая добровольную миссию Люка на вечер, запланированную с его отцом. Он отвернулся, снова все в порядке. "Отправьте подтверждение и получите дополнительную информацию о Д'Арке. Мы включим это в расписание, но нам нужен один из наших людей, чтобы отметить ее; вмешивайтесь и разделяйте нас, когда у меня будет возможность установить контакт с кем-то полезным Я поговорю с ней всего один или два

раза - у меня есть дела поважнее ".

Он вернул автоматическое считывание, понимая, что вечером придется учесть еще один уровень игры.

«Принеси мне что-нибудь о Д'Арке; что-нибудь, чтобы удовлетворить мою заинтересованность с минимальными усилиями. У меня нет времени, чтобы тратить это зря». Если отбросить нелепые задания Императора, у Люка был свой план на ту ночь, и лучшее место, чтобы спрятать его, было у всех на виду.

Если он не мог проигнорировать приказ Императора в отношении Д'Арки, то он мог, по крайней мере, использовать его, и хотя Люк привык действовать в условиях постоянного присутствия Мары, оправдание, чтобы удалить Палпатину глаза и уши, несомненно, стоило того. Избавившись от кратковременного укола вины, Люк твердо устремил взор на высшую цель; они никогда не лгали друг другу о своем положении или ситуации. У него была работа, и он не мог делать ее в присутствии Мары. . И все же она была здесь и явно кого-то искала.

Знала ли она о его намерениях сегодня вечером? Или, что более вероятно, она узнала о приказах Императора относительно Д'Арки? В любом случае, если она здесь его искала, то впереди у них была интересная ночь. Люк отвернулся, спрятавшись в короне, сосредоточившись на задаче. Запуск «Инвинсибла» - или, скорее, «Патриота» - собрал беспрецедентное количество влиятельных людей в одном месте, как военных, так и политических; много потенциальных союзников, если подходить правильно. Те, кто может быть открыт для таких переговоров, уже были определены, и Люку было поручено обойти тщательно подобранный отбор адмиралов и капитанов разрушителей, представителей как Ядра, так и, что более важно, Флота Кольца, чьи корабли сопровождали Вейдера. назад на Корусант в грандиозной демонстрации силы Палпатина.

Хотя теперь у Люка было большое количество сторонников в Центральном Флоте, Палпатин всегда очень заботился о том, чтобы у него было мало или совсем не было шансов получить доступ к Кольцевому флоту, так что на сегодняшний день Люк имел поддержку только нескольких капитанов, которые были переведены из Ядро Флота Кольца, что дает беспрецедентную возможность укрепить свое положение там. Были также сановники, политики и официальные лица со всей Империи; люди авторитета и власти. Чтобы вообще быть здесь, нужно обладать определенными полномочиями, что по совпадению сделало их именно тем специалистом, которого искал Люк.

Те, кто хотел пробиться к вершине, часто были готовы инвестировать в будущее, и каждый проницательный дилер знал, что инвестировать следует как можно раньше; к тому времени, когда такие вложения окупились, опоздавших уже не оставалось. Чем раньше вложили, тем больше будет вознаграждение. Итак, сегодня вечером он продавал, и продукт был сам - не Люк Скайуокер, конечно, а Наследник. Мощность, потенциал; место в будущем - для тех, кто готов рискнуть. Он уже потратил немало времени на общение с теми, кому он был нужен, на рассуждения и предложения, косвенные предложения одобрения и будущей поддержки, положив начало рабочим отношениям, аффилированности и альянсам внутри обширной военной и политической машины Империи. В основном это предложения на данный момент, испытание воды - еще слишком рано для чего-то большего - но фундамент был заложен ... и общее отношение было восприимчивым.

Это было хорошо, потому что ему нужны были люди у власти, которые поддерживали бы его, позволяя ему поддерживать стабильность через изменения. Требовалось определить тех, кто хотел бы работать с ним, нынешних подчиненных, среднего звена и тех, кто находится в

существующей иерархии. Как наследник он мог создавать или укреплять статус ... манипулировать, Сила была чем-то, за что приходилось платить, как любил говорить его Учитель. Некоторые приняли это, а другие нет. Те, кто играл в эту игру, будут процветать - он позаботится об этом. Те, кто не ... они были интересны только постольку, поскольку теперь они были честной игрой. Должностные лица и военный персонал, на которых, как он чувствовал, можно было положиться, будут незаметно переведены на новые должности во Флоте и Дворце, как Вейдер, так и им самим.

Проницательные поймут, почему; некоторые уже внесли тонкие предложения о сделках, которые должны быть заключены - остальные узнают со временем. Некоторые могут никогда не узнать - иногда враг, занимающий правильную позицию, может сделать гораздо больше для продвижения своего дела, чем любой союзник. Колеса внутри колес. Вот что он сделал сейчас. Именно этому учил его Учитель - по-своему и по своим собственным причинам, но извлеченные уроки применялись повсеместно. И Люк не чувствовал ни малейшего следа вины за то, что вовлек желающих или сильных в свои стратегии; это были умные, амбициозные люди, которые хорошо знали правила игры, и если они решили играть, то делали это на свой страх и риск. Если бы они могли использовать его таким же образом, они бы не стеснялись его использовать. . Его взгляд привлекло движение толпы, когда Мара отошла на несколько шагов, все еще ища.

Люк слегка отвернулся, уловив проблеск ее внимания в Силе и слегка отклонив его, действие было настолько приглушенным, что он надеялся, что Палпатин не заметил, а если и заметил, то только чтобы принять это за чистую монету; как отказ от ее интереса, учитывая присутствие Д'Арки. Теперь он взглянул на дальний помост, где на позолоченном троне восседал Император, оторванный от своих подданных как расстоянием, так и расположением, делая редкое «публичное» появление; он останется ненадолго, а затем уйдет на пенсию.

Люк опасался его исчезновения больше, чем его присутствия; по крайней мере, пока он был здесь, он не мог слишком внимательно наблюдать за своим драгоценным джедаем. Хотя у него были другие, делающие именно это; Люк уже почувствовал, что среди толпы разбежались четыре наблюдателя; это казалось бессмысленным поступком на первый взгляд, поскольку Палпатин знал, что Люк их почувствует, но они замедляли его избегание, как Мара делал это каждый день, и, несомненно, были и другие, скрытые тем или иным образом .

Все еще глядя на Императора, не желая подходить ближе, но зная, что в конце концов ему придется это сделать, и что его Учитель сделает этот момент настолько сложным, насколько это возможно, как он всегда делал, Люк нашел время, чтобы подумать о событиях дня ... По общему признанию, кольцо поставило под сомнение всю тяжелую работу, которую он вложил, чтобы убедить Палпатина в своей лояльности, но он думал, что его Учитель принял неверное направление, которое он предоставил - что он хотел кольцо, не более того - поверхностная правда, используемая для скрыть более глубокую, его поиск какой-то связи с его матерью прикрывает более глубокую связь с его отцом.

Он снова попытался связаться со своим отцом по защищенным каналам сегодня вечером, но снова безуспешно, хотя, насколько ему известно, Палпатин не позаботился проверить «факты», которые предоставил Люк. Да, он потерял благосклонность, собираясь вернуть кольцо, но теперь это было сделано, быстро рассмотрено и разобрано, гнев Палпатина утолил. Оставить кольцо во владении его Учителя было бы только открытой раной, чтобы гноиться с обеих сторон. Он вкратце подумал о тревожных обвинениях Палпатина в адрес своей матери, почти так же, как он приказал себе не делать - пока еще, когда так много зависело от сегодняшней ночи. Тем не менее, они были на грани его мыслей, не отражаясь на его лице. Были ли они правдой? Да, какими их видел Палпатин .

В этом была проблема с истиной; это так легко могло быть субъективным. Еще один урок, усвоенный его Учителем; одна из его любимых игр заключалась в том, чтобы говорить правду, разбросанную всего с несколькими упущениями и личным мнением. Это была правда, как он это видел, а не реальные факты. Люку нужно было имя, которое, похоже, никто не хотел называть ему. Но даже ревнивая диатриба Палпатина имела ценность; его отец назвал ему настоящее имя матери, и теперь у него было что-то вроде профессии; она была сенатором - или, по крайней мере, участвовала в работе Сената - до того момента, когда Республика рухнула. И она участвовала в отставке канцлера Валорума... и делегации двух тысяч, что бы это ни было; Записи, относящиеся к доимперским временам, были скудными, особенно те, которые касались Сената.

Те, что были доступны, сами по себе были ненадежными. Тем не менее, этого было достаточно, чтобы начать поиски, хотя даже это было опасно. А учитывая его собственную тщательно обработанную историю, по всей вероятности, любое полезное упоминание о ней было бы давно удалено - еще одно из любимых препятствий его Учителя. Что не остановило Люка; это просто заставило его гораздо внимательнее обдумать свой образ действий. Его разум естественным образом перешел от этого к другим обдуманным действиям сегодня, тщательно отложив тревожные мысли о собственном грязном прошлом на время, когда у него будет возможность изучить их. Его поведение на борту «Патриота» по крайней мере гарантировало, что его великий план остался неизменным;

Лея Органа все еще была на свободе, хотя он понятия не имел, что заставило ее отправиться с такой рискованной миссией в самое сердце Империи. В то время это была импульсивная игра - рискнуть помочь ей; инстинкт кишки, который преобладал над всем остальным, но тот факт, что он пошел ей на помощь, может иметь некоторую ценность, задавая вопросы в ее голове, заставляя ее поверить, что он все еще в некотором роде сочувствует ее делу. Заставляя ее больше думать, что она могла бы доверять ему, хотя бы на короткое время, что могло быть только в его пользу. Краткая улыбка появилась на его губах, скручивая шрам при воспоминании о том, что произошло в прошлый раз, когда он ответил на это внутреннее чувство и бросился на помощь Лее Органе.

Он хотел бы заявить, что сегодняшний день действительно был результатом долгосрочных планов, но на самом деле это был тот же переворот в его животе, как и на Звезде Смерти ... он решил больше не смотреть на этот клубок чувств вместо этого сконцентрировавшись на получаемых выгодах; в конечном итоге он будет призван подтвердить свои действия не столько Рисом и Халлином, сколько, конечно, его отцом, когда станут известны факты - и утверждение интуитивного чутья не будет приемлемым оправданием. Не было смысла пытаться объяснить отцу; Нет смысла пытаться уговорить. Он всегда знал лучше всех и подавлял любое нежелание Люка так же решительно, как Палпатин. Было ли это отцовской заботой или близорукими амбициями?

Люк вспомнил, как много друзей лгали своим родителям на Татуине, чтобы сохранить свою автономию - но ни один из них не сделал этого, полагая, что, если их родители обнаружат ложь, они могут легко столкнуться с предательством безжалостно непримиримой высшей власти. Это, как всегда, оставалось пределом отношений Люка с отцом; что именно он передал Люка Палпатину, зная, что сделают ситхи. И, несмотря ни на что, Люк все еще верил, что при тех же обстоятельствах его отец поступит так же. Под этой угрозой, как он мог даже подумать о признании правды? Как он мог рискнуть тем немногим, что у него осталось - и как отец мог обвинять его в этом? Нет, лучше спрятать Люка Скайуокера за «Наследником». Это было не так уж сложно; правда заключалась в том, что даже он обнаружил, что теперь отличать одно от другого по-другому, намерения, которые изначально казались несовместимыми, сливались в одно намерение.

Возможно, это никогда не осуществится, но именно эти долгосрочные планы заставляли его двигаться, сохраняли его рассудок. И если Вейдер или его Учитель выясняли их, тогда они заслуживали верх, потому что Люк редко мог; иногда они менялись день ото дня - от минуты к минуте, в зависимости от его расположения. Тем не менее, когда он увидел Лею... в ту секунду, все его планы рухнули, вторично по отношению к его потребности просто помочь ей. Он не знал, почему его всегда заставляли защищать ее. Да, он нуждался в ней именно там, где она должна была выполнить его планы, но правда заключалась в том, что в тот момент, когда он понял, что она была на борту «Патриота», они даже не были предметом рассмотрения. Все, что он знал, это то, что ему нужно помочь ей ... и в тот момент, когда она повернулась, чтобы бежать, взяла ли она его за руку ...

Но она этого не сделала; он не видел ничего, кроме страха в ее глазах; никакого признания, никакого признания мужчине, без которого она однажды сказала, что не может представить жизнь. И кто мог ее винить? Этот человек давно ушел, поглощенный этой жизнью и ее постоянными требованиями. Однако иногда он все еще слышал, как Люк Скайуокер шепчет драгоценному Волку Императора, а иногда ... иногда он все еще слушал. Он сфокусировал взгляд, слишком поздно осознав свою ошибку, когда Мара шла к нему, не имея возможности разумно избегать ее. . Мара улыбнулась, когда она подошла к нему, осознавая, что он мечтал. «Знаешь, я могу начать чувствовать, что ты меня избегаешь».

Она периодически наблюдала за ним с безопасного расстояния уже почти два часа; видел, как он пристально выделял конкретных чиновников и моффов, беседы всегда короткие, вероятно, длятся до тех пор, пока он не достигнет поставленной перед собой цели, несколько минут бездумных любезностей с обеих сторон, намеренно вовлекая третьи стороны сейчас, чтобы скрыть эту цель от посторонних глаз, затем он двинулся дальше. Это было похоже на наблюдение за мошенником, работающим над комнатой ...

Она подошла, чтобы встать рядом с ним, а не перед ним, что может показаться слишком знакомым для наблюдающих глаз в переполненном зале толпящихся людей, они оба смотрели на некоторое время, слушали оркестр, держались на расстоянии, сохраняя обычную формальность. как они всегда поступали на публике, их слова скрывались за далекой музыкой. Мара искоса посмотрела на него, изучая его гораздо ближе, чем предполагал ее случайный взгляд, зная, что сегодня вокруг него была сосредоточенная энергия, интенсивность, которая говорила больше о цели, чем о нервозности.

Он выглядел одновременно отстраненным и отстраненным, но при этом полностью, сильно сосредоточенным, как он часто делал в таких случаях, и ... очень красивым. Он был одет в строгий темный, безупречно подобранный костюм, с легким белым оттенком на высоком воротнике. Костюм был интересным выбором, он намекал на военный стиль, но не был настолько специфическим, чтобы оттолкнуть присутствующих мирных жителей, его покрой подчеркивал его аккуратную форму - он был стройным, возможно, он выглядел бы довольно стройным без мускулов, которыми он заработал тяжелые ежедневные упражнения.

Как бы то ни было, это сделало его стройным и сильным; еще один намек на то, что он становится силой, с которой нужно считаться. Безупречный, как всегда, очень прямой, очень спокойный, он излучал самоуверенность, несмотря на множество присутствующих высокопоставленных чиновников; уравновешенность без усилий, которая казалась совершенно непрístupной. «Если это было действие на благо окружающих, то оно было безупречным», - подумала Мара.

Иногда с Люком было трудно сказать; временами он был абсолютным Наследником; Волк Императора, его защитник ситхов, решительный и безжалостный, неустанно преследующий

свою цель ... но в других случаях он казался абсолютно пилотом, которого затащили сюда без желания оставаться, изолированным и недостижимым, все еще решительно пытающимся цепляться за прошлое и прецедент, который мог только помешать ему здесь, и он знал это. Чем больше она знала его наедине, тем больше она узнавала эти разрозненные грани, как бы хорошо он ни скрывал это от Палпатина. Тем больше она понимала, почему Холлин держался рядом. Несоответствующие глаза Люка на мгновение дрогнули, чувствуя себя неловко под пытливым взглядом Мары, и она отвернулась, улыбаясь, ее голос был достаточно тихим, чтобы быть скрытым под музыкой.

"Так какие у тебя проблемы сегодня вечером?" Он слегка улыбнулся, к нему вернулось самообладание, его голос был низким и плавным, с оттенком веселья: «Я никогда не создаю проблем; я просто просыпаюсь утром, и вот оно». «Это потому, что вы берете его с собой в постель». Она легко парировала, оглядываясь назад. "Ты можешь сказать это снова." Она отвернулась, подавляя улыбку, но он продолжал смотреть на нее, заставляя ее повернуться назад, с любопытством. «Ты выглядишь сегодня очень красиво». Он сказал просто, заставляя ее застенчиво, ее щеки горели. У него все еще была сила сделать это; заставить ее врасплох. «Теперь я знаю, что ты что-то задумал».

Он глянул в толпу вежливо-безразличным тоном для сторонних наблюдателей: «Да, я - а вы портите мне расписание». "Танцуй со мной?" - просто спросила она, решив игнорировать его слова, даже если она могла почувствовать правду за ними. Он оглянулся, на мгновение удивившись, затем отвернулся: «Я думаю, что сегодня я достаточно расстроил Палпатина, не так ли?» Она тоже слегка отвернулась в пользу тех, кто смотрел, хотя ее тихий голос был теплым и дразнящим: «Почему танцы со мной могут усугубить ситуацию - ты такой плохой - танцор?» Он склонил голову набок, не глядя на нее: «Ну, я обещал ему первый танец - ты же знаешь, как он раздражается, если кто-то вмешивается». Мара улыбнулась его непочтительному комментарию, не сводя глаз с толпы, хотя все ее внимание было сосредоточено на нем, напоминая ей о путешествии к Патриоту тем утром. Казалось, это было целую жизнь назад.

«Интересно», - сказала она, шутливо кивнув головой; "Так кто же ведет?" Он ухмыльнулся, чистый воздух на мгновение испортил его полированное покрытие. «Ах, это было бы неплохо». Она покачала головой, подавляя ухмылку, как никогда не в силах представить, чтобы кто-то говорил в таких оскорбительных выражениях об Императоре, хотя каким-то образом, поскольку это был Люк, она обнаружила, что не возражает. «Видишь ли, я думал, ты скажешь, что должен танцевать с леди Кирией Д'Арка». Он позволил показать малейшую гримасу только для ее блага. «Я очень стараюсь этого избежать». Мара снова повернулась, чтобы посмотреть вперед:

«Кажется, ты не слишком стараешься избегать ее ». «Я подчиняюсь приказу». Люк извинился, позабавившись; это была ревность? Он разговаривал с Д'Аркой всего дважды и, выполнив свой приказ, насколько это было возможно, не собирался делать это снова. Хотя, по правде говоря, она неожиданно отвлекла; элегантная и яркая, с карамельной кожей и миндалевидными глазами, она была явно амбициозной светской львицей, хотя хорошо маскировала это, уравновешивая это быстрым и остроумным умом и энергичным, игривым нравом, которые привлекли его. Он почувствовал внезапный укол вины при этой мысли и решительно отбросил ее. И в любом случае он больше не интересовался ею, несмотря на ее очевидное внимание к нему - или, по крайней мере, его положение. «Да, жизнь тяжелая». - невозмутимо ответила Мара, заставив Люка искренне улыбнуться. «К счастью, у меня есть ты, чтобы усложнить ситуацию - на случай, если я найду минутку покоя». «Эй, я еще даже не пытаюсь».

«Правда? Тогда ты должен быть одаренным от природы». Мара нахмурилась, и ее голос

внезапно приобрел неожиданно серьезный вид: «Я что-то усложняю?» «Да, невероятно». - сказал Люк без колебаний. "Шутки в сторону." «Серьезно? Да невероятно». - повторил он, отказываясь сейчас втягиваться в серьезную дискуссию. Когда она продолжила изучать его, он сказал: «К счастью, вы того стоите». Она отвернулась, удовлетворенная, и они несколько мгновений молчали, довольные просто быть рядом друг с другом, Люк на мгновение забыл свои приказы и цели, Мара больше не заботилась о том, кем они были. "Танцуй со мной сегодня вечером - одна?" - сказала она наконец, не глядя - и он знал, о чем она спросила. Знали, на какой риск они пошли. Мара оставалась неподвижной, не осмеливаясь повернуться, а Люк молчал, глядя в толпу так долго, что она подумала, что он предпочел не отвечать; что его молчание было ответом само по себе.

Он сто раз говорил, что риск встречи во Дворце слишком велик, и, конечно, он был прав. "Сегодня ночью." - прошептал он в тихом согласии, затем быстро пошел в толпу, кончики его пальцев легонько коснулись ее бедра, когда он уходил, мягкий, как его шепот, заставляя ее смотреть на его удаляющуюся фигуру, быстро теряющуюся в толпе, ее сердце бешено колотилось румянец на ее щеках. . . .

Люк был глубоко увлечен убедительной беседой с капитаном Хокеном, когда прозвенел звонок и в комнате воцарилась благовоспитанная тишина, поэтому он фактически пропустил объявление о Первом танце, понимая, только когда все мысли и все глаза в огромной комнате обратились к нему, выжидательный. В течение долгих секунд он оставался совершенно неподвижным, хотя на его лице не было ничего удивительного, только вежливое безразличие, когда толпа разошлась в шепоте дорогих платьев. После нескольких минут размышлений, вежливо нарушенный слегка нервным кашлем Риса позади него, он двинулся вперед к центру огромного пространства. Как бы легко ни было создать сцену, у него была повестка дня, которую нужно было выполнить сегодня вечером, и Рис был прав, когда утверждал, что Люк не сделает этого, показавшись незакрепленной пушкой для тех, кого он должен был впечатлить своим потенциалом как будущий лидер.

Лучше просто плыть по течению и через несколько минут продолжить с того места, на котором он остановился. Он совершил долгий шаг к центру этажа, размышляя о том, как сильно он изменился, что то, что когда-то казалось непреодолимо пугающей перспективой, теперь рассматривалось как не более чем незначительная неприятность - меньше, чем сбой в планах на вечер. Когда он достиг середины этажа, к нему грациозно шагнула миниатюрная женщина с теплой оливковой кожей и темными овальными глазами, шлейф ее рубинового платья мерцал при каждом шаге. Он остановился перед ней, когда она сделала прекрасный реверанс, и, хотя в этом не было строгой необходимости, он отступил на полшага и слегка наклонил голову в не совсем поклоне. Люк протянул руку в приглашении, и гибкая, изящная женщина вошла и взяла ее, музыка заиграла в тот момент, когда он положил руку ей на талию. И они танцевали.

Что-то еще, что четыре года назад было бы для него немыслимо, но многочасовая опека над вежливым, но упорным упорством назначенного - и сильно оклеветанного, хотя бы за его титул - министерского представителя Управления судебной культуры и протокола, сделала даже это, перед многими, вторая натура. Не более обременительный, чем любой другой придворный этикет, которому его навязывали в последние годы. В течение долгого времени он решительно игнорировал тот факт, что два раза в неделю каждую неделю инструктор танцев без промедления приезжал в его апартаменты по запросу министра КПК.

Инструктор и партнерша по танцам терпеливо ждали в Perlemian Ballroom полный час предполагаемого урока перед тем, как уйти, чтобы вернуться, как приказал Министр, на их следующий запланированный урок, тщетно ожидая присутствия своего подопечного. Это продолжалось больше года, ряд наставников и советников приезжали, чтобы обучать всем

аспектам протокола и этикета, терпеливо ожидая, все демонстративно игнорируя, хотя часто Люк был в его квартирах, когда они приходили - он просто проходил мимо них. назначенные комнаты без второго взгляда. Шел год, и Люк прекрасно понимал, что живет в долгое время; Император наверняка узнал бы о том, что он не посещает какие-либо уроки протокола, и рано или поздно Люк знал, что его вызовут на это, безусловно, публично и, вероятно, в какой-то ситуации, тщательно выбранной, чтобы причинить величайшее смущение.

Он продержался немного дольше, больше из-за упрямого отказа быть запуганным, чем из-за какой-либо более серьезной причины, но в конце концов, когда он счел необходимым двигаться в определенных кругах и создавать определенный образ, это стало больше препятствием для игнорирования таких практик, чем просто отступить и изучить их. Поэтому он неохотно начал посещать, к большому удивлению своих наставников, искренне приверженных изучению всего, что они могли предоставить, рассматривая это скорее как оружие, чем согласие. Его раздражало, что это было необходимо, но его не собирались путать или осуждать и сочли нужным те, кто считал такие вещи важными - не тогда, когда это было так легко исправить. Да, в частном порядке он все еще считал такие вещи неуместными и элитарными, но возраст и опыт ослабляли эту тупую, слепую, упорную волю к чему-то более управляемому; умерять его, чтобы служить, а не мешать.

Холлин, как обычно, был эрудитом, советуя Люку смотреть на это как на простое изучение другого языка, который, как и Старый Корусканти, был необходим для мира, в котором он теперь жил. Присматриваясь к жизни с чисто корыстной точки зрения, он больше не чувствовал дискомфорта от ее использования. Знакомство рождает если не презрение, то, несомненно, расслабляющую уверенность в себе в присутствии этого невысказанного языка бесчисленных правил и тонких условностей. Согласился ли он с ними или презирал их, не имело значения; близкое, часто иллюстрированное знание о нем позволяло ему использовать его, злоупотреблять им или прятаться за ними по своему усмотрению.

Тот факт, что все знали, что он понимает этот сложный, запутанный язык, означал, что независимо от того, выбрал ли он его, игнорируя или разыгрывая сам по себе, становился частью этого языка. Итак, теперь, когда он танцевал с Д'Аркой, хотя он был вежлив и поддерживал зрительный контакт, он не чувствовал особой необходимости разговаривать с ней; в этом не было необходимости - от него этого не требовалось. Танец был на пользу другим; он делал не что иное, как выполнение приказа со стороны Императора, и, несмотря на слова Риса ранее на этой неделе, предполагающие логику заключения союза с влиятельными д'Арками, Люка не поведут и не загонят в угол ни его Мастер, ни его советник.

Она пристально держала его глаза, пока они танцевали, и он не отворачивался, привыкший к любопытству других, так что все, что он мог слышать сквозь далекую музыку, был звук их дыхания, когда они танцевали, и легкое постукивание их ноги на полированном полу. В конце концов к ним присоединились те, кто имел на это право, и пол начал заполняться, хотя им всегда нравилось свободное пространство вокруг них, все оставались вежливо отстраненными. Когда музыка закончилась, Люк отпустил Д'Арку и сделал шаг назад, снова склонив голову, прежде чем повернуться, чтобы уйти.

«Возможно...» - поспешно произнесенное слово Д'Арки привело его в чувство, и она немедленно опустила голову в извинениях; обычно никто не разговаривал со спиной Наследника или продолжал говорить, когда он явно собирался уйти, ее решение сделать это также было частью этого невысказанного языка, тонких сообщений даже здесь. Она цепко держала свои пистолеты, поднимая голову, когда он обернулся, приглашая ее темные карие глаза красного дерева. "Может быть, Наследник снова будет танцевать сегодня вечером?" «Я очень в этом сомневаюсь». Он бы отвернулся, прекрасно понимая, что его разыгрывают, но

какое-то чувство искреннего сожаления с ее стороны заставило его добавить: «Это вряд ли моя сильная сторона».

Она сверкнула улыбкой, которая осветила ее лицо: «Я думала, Наследник красиво танцевал». Люк не мог не улыбнуться, привлеченный ее обаянием, но едва ослепленный им: «Боюсь, я танцую так же хорошо, как вы лжете, миледи». «Мое сердце не было в этом - до сих пор». - сказал Д'Арка, явно надеясь повторить свое сдержанное отвращение к такому протоколу, но момент был упущен, и Люк слегка отступил, озвучив то, что можно было легко принять как принятие ее невинной лжи или молчаливое признание своих чувств. "Как вы говорите, леди Д'Арка".

Люк снова слегка поклонился, понимая, что музыка не может продолжаться, пока он не даст ясно понять, что намерен танцевать или покинуть площадку, и на этот раз Д'Арка имел благодать отступить, снова сделав реверанс, когда повернул налево, не оглядываясь. -А его мысли уже в другом месте. . .

Холлин ворвался в спальню Люка, заставив Мару проснуться, тщетно пытаясь скрыться под простынями. Люк даже не двинулся с места, но тогда он, вероятно, уже знал, что идет.

"Вставай! Вставай! Быстро!"

Холлин даже не остановился, метаясь по комнате, подбирая одежду Мары. Поскольку он явно уже знал, что она здесь, Мара наконец перестала прятаться под простынями, вместо этого наблюдая за сюрреалистической сценой, разворачивающейся перед ней в раннем утреннем свете, стройный медик мечется, как динамо-машина, когда Люк наконец перевернулся. - грубоватый голос, подчеркнуто безразличный к нему, с сильным акцентом на Ободе. "Это должно быть так хорошо ..."

«Канцлер Амедда едет сюда. Сейчас». - добавил Холлин, оглядываясь, чтобы убедиться, что ничего не пропустил.

Этого было достаточно, чтобы разбудить Люка, но он по-прежнему спокойно выпрямился, покрывая его одеялом, позволяя ногам упасть на край кровати и проводя рукой по непослушным волосам: «И что - я принимаю его в своей спальне ?

" Холлин замер, одежда Мары все еще была у него на руках.

«Я рад, что кто-то из нас считает это забавным».

«Подожди, зачем сюда Амедда?» - спросила Мара главного помощника императора.

"А как далеко он?" - добавил Люк хриплым ото сна голосом.

«Он все еще в нескольких минутах ходьбы - у нас...»

Холлин сделал паузу; он не смотрел многозначительно на Мару, но с тем же успехом мог смотреть.

«... Предварительное предупреждение».

Мара слышала, как Люк очень легко вздохнул, и знала, что он думает так же, как она; Холлин уже сказал и сделал слишком много - его действия не только разъяснили Маре, что его доверие было таково, что он уже знал о Люке и о ней - и, очевидно, был настолько

заслуживающим доверия, что теперь он попытается скрыть это - но он "

Я почти не признал, что у Люка также был информатор в кабинете или совете. «Все в порядке, Натан».

Тон голоса Люка теперь стал более бодрым - и он явно очень хотел вывести Халлина из комнаты, прежде чем он сделает еще одну оплошность: «Мара останется здесь; вы попросите Веза устроить так, чтобы тот, кому он доверяет, пошел и забрал ее. униформу, и она уйдет позже, как ни в чем не бывало. Она заберет свою одежду отдельно ».

Мара все еще хмурилась, обеспокоенная случайным прибытием канцлера.

«А Амедда часто сюда ходит?»

Люк полуобернулся.

«Нет. Только формальный бизнес в качестве официального представителя Императора».

Мара повернулась к Холлину, пристально глядя: «Твой« друг »сказал, зачем он пришел?»

Люк вмешался еще до того, как медик начал отвечать, явно не желая допустить, чтобы очень нервный Холлин находился под пристальным вниманием Мары: «Если бы Палпатин знал, что вы были здесь, я думаю, он бы сам уже был здесь, и если он не был уверен, послать официального представителя - дело нехитрое; никто из нас вряд ли допустит ошибку ".

Мара покачала головой, обеспокоенная совпадением: «Тем не менее...»

Люк повернулся к ней, и всего на секунду она увидела недовольство в его глазах;

«Ты хотел этим рискнуть », но он остановился задолго до того, как заговорил, повернувшись к Холлину ровным и размеренным голосом: «Иди и скажи Рису, чтобы он показал Амедде в Белую гостиную».

«Нет, подожди, покажи его в Утреннюю комнату». - поправила Мара, зная, что из-за этого личные комнаты Люка не видны. Люк с недоумением повернулся, и мысли Мары закружились на секунду или две, но у нее не было разумного оправдания этому, поэтому она признала правду;

«В задней стене кладовой в вашей Музыкальной комнате есть скрытый проход; если я смогу добраться до него, я смогу выйти на три этажа вниз».

"В помещение для персонала?"

Люк старался говорить непринужденно, хотя Мара знала, что это будет для него очень интересно.

Она кивнула, зная, что он сохранит эту информацию для будущего использования, но также зная, насколько она может быть полезна для них обоих отныне: «В боковом коридоре на кухне. Если вы можете дать мне четкий маршрут, главный коридор ".

Люк немедленно повернулся к Холлину, вспомнив тот момент: «Кто дежурит?» «Клем и Вассиго. Вассиго - ваш личный охранник, но Клем в главном куполе». Халлин читал по памяти, зная, что последняя находилась на главном перекрестке, легко контролируемой центральной точкой, популярной среди охранников, потому что с нее открывался четкий вид на четыре

широких коридора, которые доходили до дальних углов огромной квартиры, а это означало, что она закрывала Уход Мары, какой бы путь она ни выбрала. «Я могу пройти через ваш офис».

Мара сказала об общем сокращенном пути, который используется, чтобы избежать длинного большого главного коридора и массивного центрального атриума: «Тогда ... что ... через Государственную столовую и ...»

Люк уже покачал головой: «Вам все равно нужно пройти через Большой зал и Галерею, а затем пересечь главный коридор, чтобы попасть в Музыкальную комнату, плюс вам нужно будет снова пересечь его рядом с главным входом и закрыть Амедде. Слишком много шансов ».

Вместо этого он снова повернулся к Холлину, задумавшись.

«Клем возьмет на себя частную связь во время дежурства. Когда Мара будет готова, вы идете в штабное крыло и войдите в комнату охраны напротив - спросите лейтенанта Клема. Убедитесь, что связь не может быть отслежена». Мара знала, что Клем был одним из многих общих телохранителей, прикрепленных ко всем высокопоставленным лицам во Дворце, чьи обязанности не выходили за пределы стен Дворца, хотя обычно они были прикреплены к одному человеку или семье. Как всегда казалось, в случае с людьми высокого статуса, огромное количество людей, казалось, считало необходимым находиться в квартирах Люка в любой момент времени - телохранители, личные помощники, секретари и слуги. Она вспомнила, как он обиделся на это, когда впервые приехал, рассматривая это как не более чем метод не очень скрытого наблюдения, что, по крайней мере, частично верно в отношении всех остальных.

Высокопоставленные люди в Императорском дворце. Теперь он казался совершенно непринужденным; но затем он тщательно окружил себя людьми, которым доверял - и тех, кому он не доверял, он явно считал своим делом очень хорошо знать. Что заставило ее на мгновение задуматься, в какую категорию она попадает... Холлин кивал, пока Люк говорил, но его глаза оставались широко открытыми, что казалось еще более сильным из-за его хрупкого телосложения и оливковой кожи. Маре казалось, что даже если они с Люком и не паниковали, Холлин делал достаточно для всех троих.

«А Натан ...» - добавил Люк, заставив раздраженного человека остановиться у двери, - «Постарайтесь не быть рядом, когда придет Амедда».

Холлин бросил испепеляющий взгляд и бросился прочь, оставив Мару понять, что он ни разу не встречался с ней взглядом и не узнавал ее; только Люк. Люк наконец вздохнул в тишине, потирая переносицу: «Видите, вот почему мы не встречаемся во Дворце; во-первых, у Натана в течение недели будет коронарное заболевание».

Мара все еще смотрела на закрытую дверь: «... он просто забрал всю мою одежду...» Люк рванулся и направился к двери, остановившись, когда он добрался до нее, чтобы броситься назад и схватить платье, лежащее на тумбочке. Она лукаво улыбнулась, склонив голову набок: «Видишь, ты делаешь всю эту паническую рутину намного лучше... может быть, дело в обнажении...» Он пощадил ее сухим взглядом, прежде чем отправиться обратно к двери, накидывая на себя мантию. . .

В этом случае визит действительно должен был передать официальное коммюнике императора; это был приказ о полете для «Патриота», который, в отличие от предполагавшегося полета, должен был вылететь этим утром в Rim Systems - с гостем. Палпатин должен был отправиться в первое плавание «Патриота», «Несравненного» и

«Бесстрашного» в качестве эскорта. Это резко вернуло Мару к реальности, заставив ее осознать, насколько глупыми они были прошлой ночью; они не только безрассудно пошли на риск сами, но очевидно, что Халлин тоже знал об этом - и хотя Люк мог научить Мару скрывать свои мысли, находясь рядом с Императором, она была чертовски уверена, что он не может сделать то же самое с Холлином. - который теперь собирался провести несколько недель в непосредственной близости на борту «Патриота». Если Палпатин был хотел осторожно, отговорить или просто отпугнуть их, он не мог бы сделать лучше.

<http://tl.rulate.ru/book/24624/1287571>